

ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО. НАУКА.

№ 10

Приложение к газете „Звезда“

№ 10.

ДОЧЬ ОКТЯБРЯ.

(Делегатка).

С завязанными глазами—
Со счастьем в прятки,
И была игра та жуткою...
И—вдруг: ты кожаную куртку
Обтянула делегатка.
И—их,
Чудаки:
„О прекрасной даме“
Д евнине, поэта, грезили.
Товарищ!
Вот ты—земляная такая,
А столько в тебе поэзии,
И столько—стари...
Все прошлое встает за спиной,
Горбом меж лопаток врастает.
Ведь повесть твоя простая:
Муж... он портил.
И торнил.
Наверняк—здоровенный пьяница.
Жизнь—что суббота, что вторник—
Постоянная пятница.
Муж и дети,
Дети—муж...
Жизнь скатая—как уж
Железными ввалами—

А. Дорогойченко.

Жила ты с немилыми,
И—ни гугу.
Ах, давно-ль, давно то время?
Ровно пленница в гареме—
В заколдованный кругу:
Дети—муж,
Да муж и дети...
Два эти слова—
В книге былое,
И не стереть, не стереть их!
А в них—и тьма, и глупь.
Она—петля на горло,
А в той петле ты тля.
Петля мозоль натерла,
Но... обервалась петля...
И вот—
Жизни болотной былой,
Жизни котел закипел.
Закрутил—осветил твою голову.
Поверху новое слово всплыло.
То слово—
Что утром солнце пунцовое—
Тяжелое слово—слово:
Эркапе.—

ПИСЬМО О ЛИТЕРАТУРЕ.

Теория и практика.

Семен Родов.

„Леф“. *) Обложка пестрая, бумага хорошая. На обложке: „издательство „Госиздат“, отв. редактор В. В. Мяковский.“ На бумаге на две трети теория, на одну четверть практики, остальное— словозвония бесцель”.

Згара—амба
Згара—амба
Згара—амба
Згара—амба
Амб.
Амб—агара—амба
Амб—агара—амба
Амб—агара—амба
Амб.

и т. д.

(В. Каменский),
В журнале „Левого Фронта“ это называется—игры, словом во всей его звукальности. По признанию же самого автора, это— „искусство мира—карусель.., и словозвония бесцель“.

Если же вы хотите познакомиться с онтологией использования, жаргонной фонетики для оформления анти-религиозной и политической темы, по-жалуйста:

Костям зя-я-бкостью
Целат—громница взиск!

*) № 2 будет дан отзыв в ближайших номерах.

Мороз с ножем!
Писк
Небес
Недореваных!
(Крученых—мороженица богов).
Но оставим в покое В. Каменского и Крученых. На их „авукальности“ не получится „аттестата зрелости“, как называет «Леф» один из сотрудников журнала. Конечно, аттестата футуристы еще не получили, но что они хотят держать на этот аттестат экзамен и держать, как будто, по серьезному—уже хорошо.

Однако для нас представляется интерес не многочисленные теории футуризма (к сожалению, мы не можем с ними остановиться подробней), а то как эта теория согласуется с практикой и какова эта практика.

В своей программе „Леф“ заявляет: „Леф должен осмотреть свои ряды, отбросив прошлое прошлое (а как насчет Крученых?), „Леф“ будет отрывать искусство идеи и Коммуны“ (а как на счет «Згара—амб“?) „Будем быть“, заявляет далее Леф, „тех, кто подменяет даектику художественного труда метафизикой пророчества и жречества“ а через несколько страниц читаем: „Пророк—провидцу грани всплеск, ко в теории, но и на практике,

грядущей генезис“.

Много ли стоит такая теория? Таких противоречий в „Лефе“ не обещаешься. И именно потому, что сама теория футуризма страдает сплошь мистификацией, идеалистична по существу, ибо громко опять о „социальном заказе“ (человеческим языком выражаясь—об искусстве, нужном рабочим массам), футуризм весь уходит в словотворчество, как самоцель.

Из „практики“ же, т. е. не рассуждений о произведениях искусства, а самих произведений, помещенных в „Лефе“, действительный социальный закон выполняет только рассказ О. Брика— „Не помощница“. Хорошие стихи Асеева по темам опоздали разом на 2 года, еще лучшая поэзия Маяковского „Про это“ слишком индивидуальна.

Рассказ Брика вызвал уже оченьreakцию критику одног из... соредакторов „Лефа“—т. Чужака. Положение довольно своеобразное. В журнале „Левого Фронта“ помещается рассказ, который один из редакторов—коммунист называет, ничуть не смущаясь, „изно-искуснической“ литературой.

Нам кажется, т. Чужак несколько перегнул палку. Дело не в этой злой или доброй воле Брика, а в его формальных устремлениях, в, первых, и в отчужденности от коммунистической среды, во вторых. Брик взял своей темой разлагающейся под влиянием национализма и хотел создать из этого „бульварный“ роман. Старый коммунист влюбляется в напманскую даму, которую он несерьезно пытается обратить на коммунистический путь; жена коммуниста из места устраивает ему пакость, подкладывая на подушку неоплаченные счета мужа дамы, чтобы наложить на коммуниста подозрение во взаимоотношениях; видный член комитета ей в этом помогает. В конце концов все устраивается наилучшим образом: бородатый испанский коммунист устанавливается; порок наказывается. „Бульварный“ лев становится маою; напущено вдохновение таинственности; в меру—попытка.

Нужно признаться, что первый опыт футуристического „бульварного“ романа неудачен. Как бы то ни было, первый номер „Лефа“ показывает на серьезные намерения футуристов перейти от „затуманных“ упражнений к произведениям, имеющим общественное значение. Мы из сможем приветствовать, если она это осуществят не только в теории, но и на практике.

Судьба ослепшая ходила
И забко куталась в туманы...
Дышала ладаном кадило
В ее гноящиеся раны...
Глазенками мигали свечи,
Как светляки в дремучем лесе.
Взмыхнула крыльями черный кречет
По распахнувшейся завесе.
Колдует жрец в однажде скифа—
Тень мечется на синей раме,
Мелькают призраками мифы
В волнисто-прянном фимиаме...
Смиренно темная молилась—
Глаза давным давно проплаканы.

Ненужно—гулько в своды билась.
Ектенья гнусавого диакона.
Старушьи губы шелестели,
Что листья в пору листопада
Чадит елеем еле-еле.
Перед угодником лампада.
Греха мучительная пытка
Согнула старческую спину.
Наук в божнице крепко вытал
Свою земную паутину...
Здесь люди скручены от боли,
И воздух здесь пропахнулся стонами—
Шуршат прородившие моли
За чудотворными иконами.

Литературные заметки.

Лев.

«КРАСНАЯ НОВЬ» № 3.

И Всея, Иванов, и А. Малышкин, конечно, далеки от тенденции исторических романов. Но таковы специфические условия переживаемой эпохи. Было время, когда бы накопился и устранился твердо и не-поколебимо десятилетиями и веками. А теперь только первые 6 лет революции дали два раза неожиданных исторических и бытовых этапа, те, что различаются, как период военного коммунизма и период хозяйственного возрождения России. Где же угадать писателю? Что ни год, то историческое прошлое. Что ни произведение,—то летопись гражданской или даже империалистической войны, до того неистощимо богат материала недавнего прошлого.

Вс. Иванов закончил роман „Голубые пески“. Последние главы повествуют об агонии и гибели сибирской реакции. Партизанщица и внутренне расколгасия помогают красной волне, заливющей Сибирь в Монголию. Атаману Трубчеву не сподобят с своими казаками, явно склоняющимися на сторону красных. Союзники киргизы тайно поддерживают оппозицию. И вот атаману предстоит предстать перед судом сепаратистского трибунала. Роман заканчивается как раз на завершении первого этапа революции. Дальше историческое граничит с современным.

Повесть А. Малышкина „Вокзалы“ уводит нас к еще более отдаленному времени 1914—17 г. г.

К тому, что писалось о ней в обзоре предыдущего номера, можно сказать что прибавить. Оконтание повести значительно сильнее и ярче начала. Здесь писатель переходит к тому моменту, когда серая масса, брошенная на защиту границ, озлоблена

на этой проблемой история культуры мучительно бьется анархист Андрей, такой же скомнатичный и бескровный, как все выходящее из под пера Пильника.

Кроме органической тенденции, в рассказе ничего нет. Сюжет с преобразованием старообрядки Ольги в коммунистку, в затем—в монастырскую послушницу, с убийством прокурора Герца и т. д.—все это кажется наспех приплетенным и несердечным, как медная цепочка на золотых часах.

Вот все, наиболее интересное из литературного материала, помещенного в З-ей книге.

Ст. АСИЛОВ.

Отцы и дети.

(Отрывок из повести Ева).

Приехал такой-же наглый, выполненный, самоуверенный.

Вчера была беседа.

— Или ты дашь слово в том, что окончательно отрекаешься от старого, или сам заявишься властям, как белогвардеец. Помни: что бы то ни было, рассчитывать на меня не можешь. Не имеешь права. В данном случае говорю с тобой, как...

— Глупости, бунтарь.

Так и сказал—бунтарь.

— Глупости. Ни от чего не откажусь. Никуда не пойду.

Горяйнов понял: глупости.

В таком случае.. На секунду задумался. Твердо подошел к телефону. Сказал в трубку—громко, четко, не глядя на сына.

— Ч-ка.

— А-а-а-а..

Звяягнул. Прижал подсючил к опу, выразил трубку. Сжался в дугу, точно выжидая удара. Распирлись зрачки. Задергали брови. За барабаны мелкой стеклянной пробкой зубы.

— А-а-а-а..

Зашатался.

— И—стаскивая со стола аппарат-лином вниз, на пол.

— Как в романе..

Горяйнов скривил рот. Подошел к валявшемуся телу. Высвободил из сжатых пальцев трубку. Поставил на стол.

— Гадость.

И вышел из комнаты.

— Гадость.. Гадость..

Или

— Комедант..

Или

— Трус.

Написал.

Сейчас, после случившегося, тело

бе остается сделать одно. Что—

— Ты должен понять.. Понимаешь? Это—единственный исход. Ты знаешь—я не любитель фарсовых комедий.

И положил на стул вместе с Наганом.

Бечер.

Бечер? Конечно. Конечно.. Но если он—струсит? Струсит.. Нахальство и трусость. Трусость. Тогда—как и думал. Как и нужно: пойти и попросить своего заместителя. В Чеки. Иначе не может быть. Не должно быть. Не должно.

— 12-06. «Известия»? Горяйнов.

Передайте: статья не будет. Завтра.

Да. Свободно положил трубку. Натянул пальто. Прислушался. Тихо.

В передней постоял с минуту.

А вдруг.. А вдруг—решится?

Тихо.

Резко повернулся. Гулко запагал к комнате сына. Раскрыл дверь.

— Сергей..

Вскочил. Стал на кровати, распластав руки вдоль стены.

— А! а! а!..

Как загнанный, смотрел, не мигая.

Заступал подбородком.

— Зачем? А? Зачем?

Встретился взглядом. Понял.

— Нет.

— Нет.. Не-э-э-э-э.. Не хочу.

Горяйнов направился к кровати.

— Ну?

Сверлит глазами. Ждет.

— Нет! Уди.. Убью!!

И к стене.

Старик медленно взял револьвер,

направил.

А а-а!

А когда свалилось, взвизгнув, тело, брезгливо поморгало. Подумал.

— Гадость.

— Нет, нет!.. Ты папа? Ты?..
Па-па-а..
Холодный серый взгляд.
Насупленные брови.
— Сергей!
Что-то скаже сердце. Ударило в мозг.—Не простят.
— Сергей. Я подожду до вечера. Слышишь: до вечера. Если боишься выстrelа—на вот...
Швырнул на кровать какой-то пакетик. И, хлопнув дверьми, удалился, захлопнув шагами истерические ворота, бывшие в догоночку в спину.
Зверь! зверь! зверь!
Ясно.
Он должен, должен сделать это.. До сих пор, быть может, Горяйнов просто бы смыну. Вернее—не Горяйнов, а.. Ну, да—Горяйнов, как представитель власти. И не сына, а просто.. просто—Сергей Горяйнова. 26 лет, бывший студент, офицер. Как и все; тоже—„такой-то, стольких то лет, был, был, студент“. А этот только одногодище. О-дно-фа-ми-лец.
Ясно.
Не было ясно. Не было

